

Г.П. Тыртова (Москва, Россия)

Некоторые аспекты перевода пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня» на хорватский язык

Аннотация: В статье рассматривается ряд проблем, с которыми сталкиваются переводчики пьесы А.П. Чехова на хорватский язык. В разделе, посвященном национальной специфике, говорится о способах передачи русских демутивов, имен и отчеств, реалий. Интерпретируя последние, переводчики чаще всего используют разновидности приблизительного перевода. Анализ передачи фразеологических единиц показывает, что, несмотря на близость славянских языков, не для всех ФЕ находятся соответствующие эквиваленты, для большинства подобраны свободные словосочетания. Передача смысла и его оттенков рассмотрена прежде всего на материале ремарок. Сравнение первого и последнего перевода «Дяди Вани» иллюстрирует изменения в драматическом стиле. В статье уделяется внимание анализу трансформационных преобразований и погрешностей в переводе.

Ключевые слова: перевод на славянские языки, перевод пьес, драматический стиль, национальная специфика, перевод фразеологизмов, передача реалий, смысловые оттенки, погрешности при переводе, лексико-грамматические трансформации

G. Tyrtova (Moscow, Russia)

Some Aspects of Translating Chekhov's "Uncle Vanja" into Croatian

Abstract: This article discusses problems confronted by translators of Chekhov's 'Uncle Vanja' into Croatian. The section on national specifics of translation talks about ways of putting across Russian diminutives, first names, middle names, and facts of everyday life. Interpreting the latter, translators tend to use approximate translation techniques. The analysis of transferring phraseological units shows that, despite the similarities between Slavic languages, corresponding equivalents are found for most FU's, with a few exceptions. Special emphasis is laid on translation of the author's notes. It is argued that the first and the last translations of 'Uncle Vanja' show changes to Chekhov's drama style. The article also discusses inaccuracies in translation and lexical and syntactic transformations as aspects of translation studies.

Key words: translation into Slavic languages, translation of plays, drama style, national specifics, translation of phraseological units, transfer of realia, semantic shades, inaccuracies in translation, lexical and grammatical transformations

Теория перевода, одна из самых молодых филологических дисциплин, за семьдесят лет своего существования накопила значительный теоретический и практический материал: написано большое количество монографий, учебников, статей и практических пособий, в которых рассматриваются различные аспекты переводческой деятельности. В большинстве случаев в них исследуются переводы с одного западноевропейского языка на другой или – реже – переводы с западных языков на славянские (со славянских на западные). Еще реже анализируются переводы на **славянский** язык текстов, написанных также на **славянском** языке, т. е. славяно-славянский перевод.

В статье содержатся некоторые наблюдения, связанные с русско-хорватским художественным переводом. Материалом для исследования послужил перевод на хорватский язык первого действия пьесы А.П. Чехова «Дядя Ваня». Выбор обусловлен тем, что перевод пьес (он имеет свои особенности по сравнению с переводом других художественных произведений) анализируется не так часто, а также тем, что на сегодняшний день существует четыре перевода «Дяди Вани» на хорватский язык. Наличие параллельных переводов помогает сделать выводы о том, меняется ли передача национальной специфики оригинала, какой перевод наиболее соответствует подлиннику, насколько типичны различные переводческие искажения и т. д.

Первый перевод знаменитой чеховской пьесы на хорватский язык появился в 1902 г., через пять лет после ее публикации в России (переводчик **Никола Андрич**), второй – через два десятилетия, в 1922 г. (переводчик **Йосип Бадалич**). В девяностые годы прошлого века вышел перевод **Чедо Прицы**, а в 2015 г. опубликован перевод **Владимира Герича**.

ПЕРЕДАЧА НАЦИОНАЛЬНОГО КОЛОРИТА

Одна из характеристик художественного текста – национальная и культурная обусловленность. «Независимо от того, стремится автор к этому или нет, художественный текст всегда отражает особенности того народа, представителем которого автор является и на языке которого он пишет, и того времени, в котором он живет» [Сдобников 2008: 358]. Хороший переводчик старается отразить эти особенности, передать национальный колорит в возможно большем объеме. Эту задачу четыре переводчика «Дяди Вани» на хорватский язык решают по-разному.

В двух первых переводах (авторство указывается в скобках первой латинской буквой фамилии переводчика) встречаются переданные латиницей русские слова. У каждого из них имеется хорватский эквивалент, тем не менее переводчики использовали русизмы, возможно, из желания и таким путем подчеркнуть «русскость» оригинала:

Astrov: I na to me bez potrebe uze savjest peći, *čuvstva* mi se nadenu... (A);

Astrov: I, eto, kad to nije nužno, probudila se u meni *čuvstva*, i stala me peći savjest... (B);

Sonja: On kaže da šume ukrašuju zemlju, uče čovjeka razumijevati ljepotu i udahnjuju mu uzvišeno *nastrojenje* (B).

Vojnicki: Vruće je i sparno, a naš učenjačina u ogrtaču, *kalošama*, s kišobranom i rukavicama (A, B).

В более поздних переводах эти русизмы заменены хорватскими эквивалентами:

Astrov: Ma koliko bilo bezrazložno, probude se *osjećanja* u meni, zapeče me savjest... (P);

Astrov: I baš onda kad to ne bi trebalo, probudio se u meni *osjećaj*, zapekla me savjest (G);

Sonja: On govori da šume ukrašuju zemlju, uče čovjeka shvaćati ljepotu i bude u njemu uzvišena *raspoloženja* (G);

Sonja: On govori da šume ukrašavaju zemlju, da uče čovjeka razumijevanju ljepote nadahnjujući ga veličanstvenim *raspoloženjem* (P);

Vojnicki: Vruće je i sparno, a naš veliki znanstvenik je u kaputu, u *kaljačama*, s kišobranom rukavicama (P)

Транскрибирование отдельных русских слов, представленное в переводах Андрича и Бадалича, нельзя считать передачей национального колорита. Как писал И. Левый: «В переводе имеет смысл сохранять лишь те элементы специфики, которые читатель перевода может ощутить как характерные для чужеземной среды, т. е. только те, которые могут быть восприняты как носители «национальной и исторической специфики» [Левый 1974: 130]. Например, для хорватов, как и для других иностранцев, характерными русскими признаками являются следующие.

ФОРМА ИМЕНИ С ОТЧЕСТВОМ

Мария Васильевна: ...сегодня получила я письмо из Харькова от *Павла Алексеевича*;

Marija Vasiljevna: ...danas sam dobila pismo iz Harkova od *Pavla Aleksjejevića* (B);

Телегин: Еду ли я по полю, *Марина Тимофеевна*, гуляю ли в тенистом саду, смотрю ли на этот стол, я испытываю неизъяснимое блаженство;

Teljegin: Vozim li se po polju, *Marino Timofejevna*, ili se šecem sjenatim vrtom, ili pogledam na ovaj stol, uvijek osjećam neobjašnjivo blaženstvo (B).

Все формы имени с отчеством в переводах сохранены, различия лишь окончание вокатива женских имен: наряду с хорватской формой на -о используется форма именительного падежа, как в русском языке: *Marina Timofejevna* (P).

РУССКИЕ УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

По мнению И. Левого, это те выразительные средства языка, которые формируют у иностранцев представление о некоторых чертах русской национальной психики, производят на них впечатление особого образа мышления. Таких образований немало в пьесе Чехова: *нянечка, водочка, птичка, деточки, крестенький, березка* и т. д. Переводчики далеко не всегда передают их соответствующими деминутивами, несмотря на значительное количество уменьшительных суффиксов в хорватском языке:

Марина: Может, *водочки* выпьешь?

Marina: Možda bi *čašicu vodke*? (A);

Možda hoćeš *rakije*? (B);

Možda bi jednu *votku*? (P);

Možda bi *žganičice*? (G).

Наиболее приемлемым представляется первый вариант: хотя в названии самого напитка нет уменьшительного суффикса, деминутивом является добавленное слово *čašica* (рюмочка). В последнем переводе употреблено уменьшительное образование, но вызывает сомнение выбор слова *žganičica*: оно не является принадлежностью литературного языка (в словаре помета «обл.»), а кроме того, это балканская реалия, обозначающая особо крепкую ракию двойной перегонки.

Астров: У меня *небольшое именишко*, всего десятин тридцать...

Astrov: U mene je *maleno imanje*, u svemu okolo trideset desetina (B);

Imam *malo imanje*, svega oko trideset desetina (P);

Imam malo *imanjce* (G).

Телегин: Погода очаровательная, *птички* поют...

Telegin: Vreme je divno, *ptice* pevaju... (A);

Divno vrijeme, *ptice* rjevaju... (B);

Vrijeme je čarobno, *ptice* rjevaju... (P);

Vrijeme je prekrasno, *ptičice* rjevaju... (G).

Два последних случая, как и другие примеры, показывают, что В. Герич почти всегда переводит русские слова с уменьшительными суффиксами хорватскими деминутивами, т. е. на этом уровне его перевод более адекватен.

Интересно, что иногда переводчики используют уменьшительные образования там, где их нет в оригинале. Так, фраза «... в *избах* народ вповалку...» переводится как: По *kolibicama* ležao narod... (A); По *kućicama* se narod valjao... (B); U drvenim *kućicama* narod polegao (P). Слово *изба* передается деминутивами, что можно считать дистантной компенсацией за утрату уменьшительности в других местах текста.

Одно из ярких проявлений национально-культурной специфики любого художественного произведения – **реалии**. К ним, например, относятся два русских обращения, существовавшие в культурно-исторической среде того времени: *батюшка* и *ваше превосходительство*. В первых переводах «Дяди Вани» эти формы транскрибированы:

Марина (наливает стакан): Кушай, *батюшка*.

Marina (natače čašu): Ded, gutni, *baćuško* (B);

Marina (natoči čašu): Gucni, *batjuška* (A).

Телегин: Замечательные, *ваше превосходительство*.

Teljegin: Vanredan, *vaše prevoshoditeljstvo* (A).

Вероятно, в начале XX в. хорватский читатель или зритель понимал эти формы и воспринимал их как один из элементов коммуникации в русской среде. В более позднее время это понимание утратилось, что потребовало от переводчиков новых решений, и в последующих хорватских текстах находим два варианта передачи обращения *батюшка* (первый, Герича, можно считать приемлемым, а второй – не самым удачным):

Marina (puni šalicu): Pij, *golube* (G);

Marina (nalijevajući čaj u čašu): Probaj, *prijatelju* (P), –

и три соответствия для *ваше превосходительство*:

vaša presvijetlosti (B);

vaša plemenitosti (P);

vaša preuzvišenosti (G).

Последнее соответствие является словарным эквивалентом.

Кроме обращений, в первом действии чеховской пьесы встречаются такие слова-реалии, как: *верста, десятина, вобла, дьячок, бурса, самовар*. Две первые представлены в реплике Астрова «У меня небольшое именишко, всего *десятин* тридцать, но, если интересуетесь, образцовый сад и питомник, какого не найдете за тысячу *верст* кругом». Для их передачи В. Герич использует функциональный аналог, а остальные переводчики – транскрипцию:

U mene je maleno imanje, u svemu okolo trideset *desetina*, ali ako vas možda zanima, možete si pogledati moj uzorni vrt i rasadnik, kakva nećete naći na tisuću *vrsta* okolo naokolo (A, B, P);

Imam malo imanjice, svega trideset *hektara*, ali ako vas zanima, imam i uzoran vrt, i rasadnik kakav nećete naći na tisuću *kilometara* (G).

Для передачи остальной фоновой лексики транскрипция и функциональный аналог не используются. Так, слово-реалия *вобла* передается следующим образом:

Войницкий: Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая *вобла*;

Vojnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, ...učena *sova* (A);

Vajnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, stari prepečenac, učena *riba*... (P);

Vojnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, stari dvopek, učena *sovuljaga*... (B);

Vojnicki: Umirovljeni.. profesor, shvaćaš, stara klada, mudri *piškor* (G).

Н. Андрич и Й. Бадалич, называя героя *совой, филином (sovuljaga)*, предлагают контекстуальный перевод, В. Герич – приблизительный (родо-родовая замена: вместо *воблы – вьюн*), в то время как Ч. Прица прибегает к родо-видовой замене (видовое наименование *вобла* заменяется на родовое *рыба*), т. е. использует генерализацию как разновидность приблизительного перевода. Ее применение уместно, хотя при этом реалия теряет те признаки, которые составляют национальную специфику.

Слово *дьячок*, употребленное Войницким («Сын простого *дьячка, бурсак*, добился ученых степеней и кафедры...»), передается всеми переводчиками одинаково: Sin prostoga *crkvenjaka*, – т. е. используется еще одна разновидность приблизительного перевода, а именно – объяснение.

Этим же способом Н. Андрич и Й. Бадалич передают реалию *бурсак*: Sin prostoga *crkvenjaka, stipendista*... (A, B). Интересно, что слова *бурса, бурсак* имеют в хорватском языке словарные эквиваленты (с пометой «устаревшее»), и один из них используется в переводе Ч. Прицы: Sin običnog *crkvenjaka, sjemeništarc*... . Наличие словарного эквивалента, несомненно, облегчает задачу переводчика, но не всегда есть уверенность, что этот эквивалент известен получателю перевода, в данном случае хорватскому читателю. В. Герич, как и первые два переводчика, отказывается от словарного эквивалента и предлагает вариант *crnoškolic*.

Одна из самых известных русских реалий *самовар* во всех переводах транскрибирована: *Samovar je već dva sata na stolu*.

Считается реалией и не употребляемая в современной коммуникации форма «честь имею» (при прощании). Каждый переводчик предлагает свой способ ее передачи:

Астров: Ну, честь имею, господа... ;

Astrov: No, a sada, gospodo, *zbogom*... (B);

No *imam čast* pozdraviti vas, gospodo... (P);

No, gospodo, *bilo mi je drago...* (G).

Предложенная Ч. Прицей калька (*imam čast*) представляется наиболее адекватным вариантом, так как в определенной мере доносит до хорватского читателя (зрителя) русский национальный колорит, отсутствующий в остальных случаях, где применен приблизительный, поясняющий перевод.

Приведенные примеры показывают, что наиболее распространенный способ передачи русских реалий, встречающихся в «Дяде Ване», – разные виды приблизительного перевода. Анализ других переводов с русского на хорватский показывает, действительно ли при передаче реалий этот способ превалирует.

ПЕРЕДАЧА ОБРАЗНЫХ СРЕДСТВ

Передача фразеологических единиц – важная характеристика любого перевода. Фразеологизмы, встречающиеся в первом действии пьесы, передаются следующим образом:

- 1) **Астров:** Возился я целый день, не присел, *маковой росинки во рту не было*;
Astrov: nisam ni zalogaja okusio... (A);
 nisam ni droptinke u ustima osjetio (B);
 ni mrvice okusio, ni kapi popio (P);
 ni mrve nisam stavio u usta (G);
- 2) **Войницкий:** ...значит, двадцать пять лет *переливает из пустого в порожнее*;
Vojnicki: ...ukratko dvadeset i pet godina prelijeva on vodu iz pustoga u prazno (B);
 pretače iz šupljega u prazno (P);
 mlati praznu slamu (G);
- 3) **Войницкий:** ...жить в городе ему *не по карману*;
Vojnicki: živi... samo zato, jer ovdje jeftinije prolazi (A);
 džep ne dopušta življenje u gradu (G);
 za život u gradu je preplitak džep (B);
 život u gradu nije po mjeri njegova džepa (P).
- 4) **Войницкий:** *Заткни фонтан*, Вафля;
Vojnicki: Ne trabunjaj tek koješta (B);
 Umukni, Koro (P);
 Začepi, Ribežu (G);
- 5) **Астров:** А я-то *сломя голову* скакал тридцать верст;
Astrov: ...brže bolje odrapio... (B);
 ...a ja navrat-nanos jurio... (G);
 a ja navrat-nanos drmusao sam se (P);
- 6) **Войницкий:** ...и только ворчу, *как старый хрен*;
Vojnicki: ...samo mrmljam kao staro gundalo (B);
 gundam kao staro zanovijetalo (P);
 gundam kao starkelja (G).

Примеры показывают, что только в двух случаях (2, 5) в качестве эквивалента выступает хорватский фразеологизм, причем вариант Й. Бадалича (*prelijeva on vodu iz pustoga u prazno*) русифицирован и содержит дополнительный элемент (вода). Остальные устойчивые выражения чеховского оригинала переданы свободно. В третьем примере (кроме варианта Андрича) предложен перевод с выделением слова-доминанты *карман*, а в первом – слова-доминанты *росинка* в значении чего-то маленького, крошки. При этом аналог, предложенный в переводе Ч. Прицы (*ni mrvice okusio, ni kari porio*), вполне афористичен, имеет свой ритм и в этом смысле подобен фразеологизму. Фразеологические единицы в четвертом и шестом примерах носят оттенок грубоватой просторечности; их аналогом является хорватская разговорная лексика, причем В. Герич (пример 4) наиболее близок оригиналу: он употребляет в переносном значении глагол *zašeriti*, прямое значение которого «заткнуть какое-либо отверстие, используя пробку, затычку и т. п.».

К образным средствам относятся и междометия, поскольку они придают высказыванию экспрессивную, эмоциональную окраску. Так, в русском языке в функции восклицательного междометия употребляется слово «батюшки». Представляется, что передавать его похожим междометием *Боже мой* – наиболее приемлемый вариант, в то время как в переводе В. Герича, использующего нейтральное слово *господин*, теряется экспрессивность:

Марина: ...Ночью профессор читает и пишет, и вдруг во втором часу звонок... Что такое, *батюшки*? Чаю! ;

Marina: ...Noću profesor čita i piše, a oko dva sata u noći evo ti najednom zvonca ...Što je *zaboga*? Prohtjelo mu se čaja! (B);

Marina: ...Noću profesor čita i piše, i, odjednom, oko dva sata, zvonce. Što je, *gospodine*? Čaja! (G);

Marina: ...Profesor noću čita i piše, a odjednom oko dva sata po ponoći, zvonce. Što je, *Vogo moj*? Čaja! (P).

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ПЕРЕВОДА

Анализ всех четырех переводов позволяет сделать вывод, что наиболее частотной является лексико-грамматическая трансформация замены.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ИЛИ НАРЕЧИЕ ОРИГИНАЛА ЗАМЕНЯЕТСЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

1) **Войницкий:** ...двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным уже давно известно, а для *глупых неинтересно*... ;

Vojnicki: Dvadeset i pet godina predaje i piše o onom, što je pametnim ljudima već odavno poznato, a *glupacima* je sasvim bez *interesa*... (B).

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕНЯЕТСЯ ГЛАГОЛОМ

2) **Войницкий:** ...чтобы не видеть настоящей жизни, – и *думал*, что делаю хорошо;

Vojnicki: ...samo da ne vidim prava života – u *misli* da činim dobro (B).

ГЛАГОЛ ЗАМЕНЯЕТСЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ

3) **Войницкий:** Нельзя *сострить* ядовитей! ;

Vojnicki: Nema ujedljivije *dojsetke* nego to! (B).

ЗАМЕНА СЛОВА С БОЛЕЕ УЗКИМ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
СЛОВОМ С БОЛЕЕ ШИРОКИМ ЗНАЧЕНИЕМ (ГЕНЕРАЛИЗАЦИЯ)

- 4) **Войницкий**: Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, ученая *вобла*... ;
Vajnicki: Umirovljeni profesor, razumiješ li, stari prepečenac, učena *riba*... (P).

Из других трансформационных преобразований встречаются **опущения, добавления, компенсация**:

- 5) **Войницкий**: Заткни фонтан, *Вафля*! ;
Vojnicki: Ne trabunjaj tek koješta! (B) –

опущено обращение;

- 6) **Астров**: ...так что в сущности я заведу *всеми делами*;

Astrov:... tako da ja zapravo upravljam *i svojim i državnim dobrom* (B) –

добавление словосочетания «государственное имущество» вызвано желанием пояснить текст оригинала.

- 7) **Соня**: Мы завтра поедem в лесничество, *nana*. Хочешь? ;

Sonja: Sutra ćemo se odvesti u šumarnicu, *tatice*. Zar ne? (B) –

в оригинале в обращении нет уменьшительного суффикса. Используя деминутив, переводчик компенсирует отсутствие уменьшительных образований там, где они должны были быть в соответствии с русским текстом (см. аналогичный пример на стр. 4).

Сравнение приведенных примеров с тем, как эти же фрагменты интерпретируют другие переводчики, показывает, что только перевод третьей фразы у всех сопровождается трансформацией **глагол – существительное**. Причина ее обязательности в том, что глагол **состроить** не имеет в хорватском языке однословного глагольного эквивалента. В остальных случаях возможен и бестрансформационный перевод. Так, Ч. Прица в первом и втором примерах не заменяет части речи: ...*a glupima nezanimljivo*; ...*i mislio kako činim dobro*. В пятом примере Ч. Прица и В. Герич не опускают обращение: Umukni, *Koro* (P), *Začepi, Ribežu* (G), а в шестом В. Герич не допускает добавления: ...*sav posao zapravo vodim ja*.

Разновариантность в передаче одного и того же оригинала показывает, что в отдельных случаях и применение трансформации, и ее отсутствие позволяют добиться адекватности, т. е. перевод – это всегда выбор решений. Объяснить, что стало основанием для выбора, не всегда легко. Примером (вне рассмотрения трансформаций) служит передача словосочетания *Великий пост*. Для обозначения этого периода в жизни верующих у хорватов существуют два термина: *veliki post, korizma*, причем второй используется чаще. Реплика доктора Астрова: В *Великом посту* на третьей неделе поехал я в Малицкое на эпидемию... – переводится следующим образом:

Astrov: Treće nedelje *velikog posta* bio sam se odvezao u Malickoje... (A);

Astrov: U trećoj sam *korizmenoj nedelji* otputovao u Malickoje, gde je vladala epidemija...(B);

Astrov: U trećem tjednu *velikog posta* otputovao sam u Malickoje zbog epidemije... (P);

Astrov: Treće sam *korizmene nedelje* otišao u Malicko zbog epidemije... (G).

Возможно, переводчики, сохранившие название *veliki post*, исходили из того, что этот вариант позволяет хорватскому читателю (зрителю) в большей мере почувствовать русскую среду.

**ПЕРЕДАЧА СМЫСЛОВЫХ ОТТЕНКОВ.
ОТСТУПЛЕНИЯ ОТ ТОЧНОЙ ПЕРЕДАЧИ СЛОВА**

И. Левый, много занимавшийся переводом драматических произведений, предложил переводчикам соблюдать принцип неравномерной точности, в соответствии с которым необходимо в высшей степени точно передавать ключевые места пьесы, те фрагменты, от которых зависит понимание характеров и ситуаций. «Смысловый оттенок особенное значение приобретает в тех местах сценического текста, функция которых квалифицировать, характеризовать персонаж, сцену, физическое действие актера, манеру произнесения реплики и пр. Эта функция нагляднее всего выступает в ремарках: отточенность стиля в них не играет роли, зато малейшее отклонение от смысла может изменить художественное решение целой сцены» [Левый 1974: 210]. Большинство ремарок чеховской пьесы передано в хорватских переводах вполне корректно, недочеты встречаются лишь в нескольких случаях. Так, в начале пьесы в ремарке описывается внешность Марины – няньки, живущей в доме Войницких. Это *сырая*, малоподвижная старушка. И русскоязычному современному читателю непросто понять значение прилагательного «сырая» в данном контексте. Это определение А.П. Чехов употреблял и в других произведениях, например, в рассказе «Дом с мезонином»: «Мать, Екатерина Павловна, когда-то, по-видимому, красивая, теперь же *сырая* не по летам, больная одышкой...». Этот пример приводится в четырехтомном словаре русского языка, где слово *сырой* (с пометой «разговорное») объясняется как «человек с нездоровой полнотой». Более развернутая дефиниция дана в «Большом толковом словаре русского языка» (СПб., 2003): «тучный, с нездоровой полнотой, болезненно вялый, слабый из-за излишней полноты, рыхлости». Хорватские переводчики предлагают такие соответствия:

- Н. Андрич: *odebela starica polaganih kretnja* (располневшая медлительная старушка...);
Й. Бадалич: *neokretna i spora starica* (неповоротливая, медлительная старушка);
В. Прица: *troma i spora starica* (вялая, медлительная старушка);
В. Герич: *mirna, spora starica* (тихая, медлительная старушка).

Трое из четверых переводчиков не передали информацию о нездоровой полноте, что не важно для читателей пьесы, но весьма информативно для режиссеров-постановщиков «Дяди Вани». Например, в английском переводе содержится часть нужной информации: *Marina, a heavy (тучная), slowmoving old woman*.

Еще одна ремарка тоже важна в случае, если речь идет о постановке пьесы на сцене. В ней употреблено слово *качели*, хорватским эквивалентом которого считается *ljuljaška*, но его использует только Н. Андрич. Остальные переводят это существительное как *njihaljka* (В, Р), *naslonjač za ljuljanje* (G), что обозначает не качели, а кресло-качалку.

Одна из ремарок характеризует действие Астрова: *нашёл фуражку*. Это слово – русская реалия, недаром еще К. Чуковский говорил о невозможности передачи английского *cap* как *фуражка* именно в силу национальной окрашенности этого слова. Его функциональным аналогом считается хорватское *kapa*, которое и используют Бадалич и Герич, в то время как у Прицы находим *beretka*, что не может считаться правильным выбором.

Не только ремарки, но и диалоги пьесы содержат лексику, дающую информацию о характерах, настроении, взглядах героев. Ее надо передавать с особой точностью. Насколько этому правилу следуют переводчики чеховской пьесы, можно

проследить на примере передачи конструкций с частицей – с в постпозиции, которые были распространены в языке того времени, а ныне утрачены. Полностью эквивалентно передать эту особенность средствами хорватского языка невозможно, и задача переводчика – понять, в каких случаях эта конструкция важна, и тогда искать возможное соответствие, а в каких ее можно опустить. Примером последнего служит перевод диалога:

Соня: Вы, небось, не обедали? ;

Астров: Нет-с, не обедал;

Sonja: Valjda niste ručali ...niste još ručali ...Objedovali sigurno niste;

Astrov: Nisam (B);

Ne, nisam (P);

Ne, nisam objedovao (G).

Русское *нет-с* в данном случае не характеризует персонаж, и использование в хорватском тексте обычной отрицательной формы глагола *быть* совершенно правомерно.

Но эта конструкция может служить речевой характеристикой человека: чаще всего ее можно было слышать при обращении нижестоящих к вышестоящим, в речи людей, чувствовавших свою зависимость от окружающих, в определенной мере закомплексованных. Когда один из персонажей, Телегин, почти к каждому слову прибавляет *-с*, читателю (зрителю) это помогает лучше понять его характер.

Телегин: Виноват-с... Я теперь у вас живу-с, в этом имении-с;

Telegin: Oprostite, molim... Sad živim kod vas, molim, na ovom imanju, molim (G);

Oprostite: Sad živim na vašem imanju (P);

Oprostite: ...A sad živim ovdje, na vašem dobru (B).

Только В. Герич предложил достаточно адекватный перевод: манера речи, при которой постоянно повторяется *molim* (в данном контексте может значить «видите ли», «уж извините» и под.) отражает характер человека зависимого, приживала.

Пример важности передачи отдельного слова находим и в реплике Войницкого: «Сплю не вовремя, за завтраком и обедом ем разные *кабули*, пью вина... не здорово всё это!» Слово «кабули» обозначает острый соус из сои и различных специй. Возможно, Чехов имел в виду действительно соус, а может, и особую острую еду (например, у Гоголя и его современников соус представлял собой самостоятельное обеденное блюдо). В любом случае речь идет о том, что герой ест не привычную, простую, здоровую пищу, а нечто не совсем полезное, возможно, дорого стоящее, то, что ему не по вкусу. Это раздражает Войницкого, подчеркивает недовольство ситуацией. Переводчик на английский язык предлагает в этом случае дословный перевод: ...eat *all sorts of spicy sauces*. В хорватских текстах использован объясняющий перевод, и в трех из них ситуация в целом передана верно:

Ne lijegam u pravo vrijeme, o doručku i objedu *koješta trpam u sebe* (ем невесть что), pijem vina... (B);

...jedem *kojekakva čuda* (A);

...ponašam se *kao pravi gurman* (P).

Не может считаться адекватным перевод Герича ...*jedem kojekakve ričete*, так как в нем употреблено название простого, крестьянского блюда из фасоли и мяса, распространенного на Балканах.

Утрата смыслового оттенка в переводе может происходить по объективным причинам. Одна из них – несоизмеримость двух языков. Например, в русском языке различаются понятия *святой и священный, мораль и нравственность, просить и умолять*, а в хорватском нет этого различия. В результате русские прилагательные *святой и священный* передаются в хорватском языке словом *sveti*, *мораль и нравственность* – *moral*, просить и умолять – *moliti*.

Войницкий: Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей *священный ужас*;

Vojnicki: Moja mati, njegova punica, obožava ga još i danas, i do dana današnjega ulijeva on njoj neki *sveti strah* (B);

Войницкий: Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, – это *безнравственно*, стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство – это не *безнравственно*;

Vojnicki: Prevariti staroga muža, kojega ne možeš trpjeti, – to je *nemoralno*, ali nastojati da ugušiš u sebi bijednu mladost i živi osjećaj, – to nije *nemoralno* (B);

Соня (умоляюще): Бабушка! Дядя Ваня! *Умоляю вас!* ;

Sonja (moleći): Bakice! Ujače Vanjo! *Molim vas!*

Трудно для перевода русское прилагательное *нудный*, не имеющее точного эквивалента в хорватском языке. Чаще всего оно передается прилагательным *dosadan*, которое значит *скучный*. В результате неизбежна некоторая утрата значения и эмоциональной окраски реплики Елены Андреевны: «Вероятно, Иван Петрович, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные!»:

Oboje nas, Ivane Petroviču, smo teški, dosadni ljudi, i zacijelo smo zbog toga i dobri prijatelji. Dosadni smo! (P);

Mislim, Ivane Petroviču, da smo nas dvoje tako dobri prijatelji zato što smo oboje dosadni, nezanimljivi ljudi. Dosadni! (G).

В некоторых случаях утрата смыслового оттенка не сказывается на качестве перевода. Это относится к фрагментам, которые не являются определяющими для передачи смысла, для характеристики героев и т. п. Примером служат русские конструкции со значением неточного времени, не имеющие эквивалента в хорватском языке:

Марина: ...Без них обедали всегда *в первом часу*, как везде у людей, при них *в седьмом*;

Marina: Dok njih nije bilo, ručali smo uvijek oko *jedan sat* kao i drugi ljudi, a sada *u sedam* (B);

Marina: Dok ih nije bilo, objedovali smo uvijek *u jedan sat* kao i ostali svijet, a otkad su oni tu – *u sedam* (P).

ИЗМЕНЕНИЯ В ДРАМАТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Драматический стиль – историческая категория, чье развитие «обусловлено не только развитием языка, но прежде всего развитием сценической речи и свойственными эпохе... взглядами на человека и на изображение его» [Левый 1974: 187]. Несколько факторов, один из которых – влияние на литературу стиля англосаксонской драматургии и прозы, стали причиной того, что переводчики современных пьес по-новому решают проблему разговорного языка на сцене. Срав-

нение первых и последних переводов «Дяди Вани» показывает, что изменения драматического стиля затронули и эту пьесу. Стиль диалога меняется – он становится короче и ближе к живой речи:

...и с каждым днем земля становится всё беднее и безобразнее;

...a zemlja biva svakim danom sve bjednija i ružnija (B);

...i zemlja iz dana u dan postaje sve siromašnija (G).

В переводе Герича отсутствует несколько устаревший глагол *bivati*, на месте которого находим более частотный в современном хорватском языке глагол *postati*; из двух прилагательных оставлено одно, т. е. применена трансформация опущения. По мнению переводчика, читатель понимает имплицитно заложенный смысл: земля, становящаяся беднее, закономерно становится менее красивой.

...я сознаю, что климат немножко и в моей власти;

...dolazim do spoznaje, da je u izvjesnoj mjeri i klima u mojoj vlasti (B);

...svestan sam da je klima donekle i u mojoj vlasti (G).

Конструкции *dolazim do spoznaje, u izvjesnoj mjeri*, чаще употребляющиеся в письменной речи, заменяются разговорными, более краткими, а значит, легче произносимыми со сцены *svestan sam, donekle*.

...быть может, это в самом деле чудачество;

...a možda je doista sve to samo naklapanje jednoga čudaka (B);

...a možda je to zaista samo neka nastranost (G).

В переводе Бадалича применено нескольких трансформаций: абстрактное существительное *чудачество* (хорватские эквиваленты: *nastranost, osobenjaštvo*) заменено существительным *чудак (čudak)*, а это влечет за собой добавление двух слов – *naklapanje jednog*, что утяжеляет текст. Фраза в переводе Герича ближе к оригиналу, кроме того, она звучит естественнее и легче, а значит, соответствует требованиям удобопроизносимости и удобопонятности сценической речи.

...опустошаются жилища зверей и птиц;

...opustošuju se životinjska legla i ptičja gnezda (B);

...boravišta divljači i ptica postaju pusta (G).

В переводе наблюдаются те же явления, что и в предыдущем фрагменте. Бадалич вряд ли обоснованно использует добавление: слово *жилище* передает двумя словами: *логово (leglo)* и *гнездо (gnezdo)*, в то время как Герич точно следует за чеховским текстом. А использованная им конструкция *postaju pusta* вместо глагола *opustošuju se* делает реплику более легкой для произношения со сцены.

Два последних примера отражают тот факт, что Герич делал перевод для постановки «Дяди Вани» в театре и учитывал все функции сценического диалога, предназначенного для произношения и слушания.

ОШИБКИ ПЕРЕВОДА

Н.К. Гарбовский заметил, что не так просто различить природу переводческих ошибок. Сравнение двух текстов, перевода и оригинала, не всегда дает ответ на вопрос, почему возникло несоответствие. Бывают ошибки на уровне непонимания ситуации, как в приведенном выше примере с передачей русской *фуражки*

словом *beretka* (см. стр. 9). Трудно представить провинциального интеллигента доктора Астрова, носящим берет. Но таких ошибок во всех четырех хорватских текстах почти нет благодаря высокой квалификации переводчиков, знатоков русского языка и русской действительности начала прошлого века. Из немногочисленных искажений на денотативном уровне можно отметить следующие:

Елена Андреевна: ...но я *застенчива* и ни разу не поговорила с ним как следует... ;

Jelena Andrejevna: ...ali ja sam *plaha** i nijednom nisam bila ljubazna prema njemu...(G).

* Plah – вспыльчивый, порывистый, крутой, своенравный.

Астров: *Затягивает* эта жизнь;

Astrov: *Vuku se** dani (B);

*Oteže se** taj život (P).

* Букв. жизнь, дни тянутся.

В обоих случаях не передано переносное значение глагола *затягивать*. Более корректным, хотя и безупречным можно считать перевод Герича: *Takav život iscrpljuje* (изматывает).

Невнимательным отношением к системе смыслов диалога объясняется допущенная Бадаличем ошибка:

Елена Андреевна: ...вы очень любите леса. Конечно, можно принести большую пользу, но разве это не мешает вашему настоящему призванию... (имеется в виду польза для всех. – Г.Т.);

Jelena Andrejevna: ...vi silno volite šume. To vam, dabome, može donijeti i veliku korist, ali... (имеется в виду польза для одного человека, Астрова. – Г.Т.).

В заключение надо отметить, что, хотя в статье проанализирован перевод только первого действия «Дяди Вани» на хорватский язык, он представляется весьма показательным и позволяет сделать вывод, что все четыре перевода выполнены корректно, на необходимом прагматическом уровне эквивалентности. Тот факт, что переводы появились на протяжении столетия, позволяет увидеть, как прагматика (установка на получателя) меняет текст перевода. Это видно в передаче национального колорита и образных средств, в изменении драматического стиля. Так, из примеров на стр. 8, 12 видно, что Бадалич часто использует добавления – показатель того, что переводчик хочет объяснить текст, а у Герича иной подход. Он переводит на имплицитный уровень то, что другие выражали эксплицитно: изменился хорватский читатель – изменился и перевод.

ЛИТЕРАТУРА

- Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения. 1975. С. 191–231.
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 514–536.
- Левый И.* Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. С. 119–236.
- Сдобников В.В., Петрова О.В.* Теория перевода. М.; Владимир, 2008. С. 344–406.
- Чехов А.П.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1971. 591 с.
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. С. 145–178.
- Badalić J. A.P.* Čehov «Ujak Vanja». Zagreb, 1922. S. 23–33.
- Gerić V.* Shakespeare – Moliere – Čehov // Gerić V. Izabrane drame u prijevodu. Zagreb: Disput, 2015. S. 153–163

Prica Č. Čehov A.P. Četiri drame. Zagreb: Gipa, 1997. S. 105–119.

REFERENCES

Barhudarov L.S. (1975) Language and Translation. Moscow. Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., pp. 191–231.

Garbovsky N.K. (2004) Translation Theory. Moscow. Moscow University Press, pp. 514–536.

Levy I. (1974) The Art of Translation. Moscow. Progress Publ., pp. 119–236.

Tcekhov A.P. Collected Works: In 3 vols. Vol. 3. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1971. 591 p.

Shvejcer A.D. (1988) Theory of Translation: Status, Problems, Aspects. Moscow. Nauka Publ., pp. 145–178.

Badalić J. A.P. Čehov “Ujak Vanja”. Zagreb. 1922, ss. 23–33.

Gerić V. Shakespeare – Moliere – Čehov. In: Gerić V. Izabrane drame u prijevodu. Zagreb. Disput. 2015, ss. 153–163

Prica Č. (1997) Čehov A.P. Četiri drame. Zagreb. Gipa, ss. 105–119.

Сведения об авторе:

Галина Павловна Тыртова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Galina Tyrtova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tyrtova 58@mail.ru